

СПЕЦИФИКА ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В ПРОЗЕ Н.С. КОХАНОВСКОЙ О СЕВАСТОПОЛЬСКОЙ ОБОРОНЕ

А.И. Октябрьская-Кисничан

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; nastya-okt@mail.ru*

Аннотация: В статье исследована важная для современной русской литературы проблема реализации исторической памяти в очерковом произведении, позволяющая рассмотреть значимое событие прошлого через призму коллективной исторической памяти, индивидуального сознания автора, очерковой экспрессии. Новизна и актуальность работы обусловлена необходимостью исследования малоизученного периода русской истории и анализа общественной и личной позиции очеркиста конца XIX в., весьма созвучной нашей эпохе, а также, несмотря на работы некоторых ученых XXI в., еще недостаточной изученностью творческого наследия Н.С. Кохановской. Теоретической основой данной статьи стали труды А. Бергсона, Ю. Лотмана, Д. Лихачёва и др., а также наших современников — К. Сундуковой, М. Реутовой и др. Важной основой настоящей статьи стали работы О.Л. Фетисенко и др. о творчестве Н.С. Кохановской.

Одним из актуальных вопросов становится проблема соотношения коллективной исторической памяти и личностных эмоциональных впечатлений от увиденного, где коллективная культурная и историческая память сплавлены с индивидуальным восприятием событий севаستопольской обороны. Выявлены основные опорные географические точки, представленные в очерках Кохановской — полуразрушенный Севастополь, его храмы и памятники, Малахов курган, Братское (Стотысячное) кладбище, — через которые дано осмысление значимых образов-символов и ментальных смысловых кодов. Осмыслена реализация исторической памяти в очерковом жанре через коллективный, родовой, индивидуальный векторы с помощью обращения к событийному ряду, символическим знакам и явлениям, ольфакторным, цветовым и звуковым деталям, личностное эмоциональное восприятие прошлого.

Ключевые слова: Н.С. Соханская (Кохановская); путевой очерк; историческая память; культурная память; первая оборона Севастополя; Братское (Стотысячное) кладбище; Малахов курган

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2026-49-04-10

Для цитирования: Октябрьская-Кисничан А.И. Специфика исторической памяти в прозе Н.С. Соханской (Кохановской) о севастопольской обороне // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2026. № 4. С. 124–132.

THE SPECIFICITY OF HISTORICAL MEMORY IN N.S. KOKHANOVSKAYA'S PROSE ON THE SIEGE OF SEVASTOPOL

Anastasia I. Oktyabrskaya-Kisnichan

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; nastya-okt@mail.ru

Abstract: This article explores the problem of implementing historical memory in essay writing, a crucial issue for contemporary Russian literature. It allows us to examine a significant past event through the prism of collective historical memory, the author's individual consciousness, and essay expression. The novelty and relevance of this work stem from the need to explore a little-studied period in Russian history and analyse the social and personal position of a late 19th-century essayist, a position that is highly relevant to our era. Despite the work of some 21st-century scholars, the creative legacy of N.S. Kokhanovskaya remains insufficiently studied. The theoretical basis for this article is the works of A. Bergson, Yu. Lotman, D. Likhachev, and others, as well as our contemporaries K. Sundukova, M. Reutova, and others. An important basis for this article is the publications of O.L. Fetisenko and others on the work of N.S. Kokhanovskaya. One of the pressing issues is the relationship between collective historical memory and personal emotional impressions of what was seen, where collective cultural and historical memory is fused with individual perceptions of the events of the Sevastopol defence. The key geographical reference points presented in Kokhanovskaya's essays — the dilapidated Sevastopol, its churches and monuments, Malakhov Kurgan, and the Fraternal (Hundred Thousand) Cemetery — are identified, through which meaningful symbolic images and mental semantic codes are understood. The realization of historical memory in the essay genre is explored through collective, tribal, and individual vectors, through reference to a series of events, symbolic signs and phenomena, olfactory, colour, and sound details, and a personal emotional perception of the past.

Keywords: N.S. Sokhanskaya (Kokhanovskaya); travel essay; historical memory; cultural memory; first defence of Sevastopol; Fraternal (Hundred Thousand) Cemetery; Malakhov Kurgan

For citation: Oktyabrskaya-Kisnichan A.I. (2026) The Specifics of Historical Memory in N.S. Sokhanskaya (Kokhanovskaya)'s Prose on the Siege of Sevastopol. *Lomonosov Philology Journal*, no. 4, pp. 124–132.

Тема памяти, актуальная для любой исторической эпохи, — важное проблемное поле в социологии, философии, психологии, истории, литературоведении. Результаты исследований К.А. Сундуковой [Сундукова 2018: 217], М.А. Реутовой [Реутова 2024: 155] и др. подтверждают выводы А. Бергсона о памяти как свойстве индивидуального сознания, которое «удерживает прошлое, чтоб организовать

его с настоящим в более богатом и более новом решении» [Бергсон 1999: 668], а также о роли непосредственного восприятия и рефлексии в воспоминаниях, стягивании в памяти множества информации, привязанности находящихся в настоящем духа и души к прошлому, влиянии воспоминания на создание образа.

В трудах Д.С. Лихачёва [Лихачёв 1985: 63–70], Ю.М. Лотмана [Лотман 2000: 704] и др., исследовавших феномен *культурной памяти*, выявлены роль и значимость этого явления для постижения прошлого через индивидуальное, общественное и художественное восприятие истории.

Историческая память осмысливается как одно из проявлений коллективного сознания, для которого значимы связь личной памяти и коллективной; роль психики, интеллекта индивидуума в осмыслении истории; влияние исторических событий на общество в целом; национальная и социальная специфика представлений о прошлом.

Названные аспекты памяти актуализированы в литературе о важных и переломных событиях русской истории, например событиях первой обороны Севастополя, которые вписываются в череду значимых явлений истории — оборонительных войн. Н.С. Соханская (позже взяла псевдоним Кохановская) (1823–1884) одна из первых написала об увиденном в Крыму и Севастополе спустя двадцать лет после окончания Крымской войны. О ее творчестве вспомнили в наше время благодаря глубоким изысканиям О.Л. Фетисенко, публикаторской активности М.А. Бирюковой и А.Н. Стрижева и др. Цель данной работы — выявить своеобразие реализации темы памяти в очерковой трилогии Кохановской о Севастополе. Материал исследования — очерки «Севастопольские впечатления» (1877), «Малахов курган» (1877), «Братские могилы» (1877), которые рассмотрены в жанровой парадигме путевого очерка, тем более что О.Л. Фетисенко рассматривает ее путешествие в Крым как «своего рода христианское паломничество» [Фетисенко 2021: 245], что и определяет тип и жанровое своеобразие тех «впечатлений», которые писательница получила от послевоенного Севастополя. При этом исследователь, проанализировав эволюцию взглядов Кохановской и отдельные константы ее художнического почерка, справедливо рассматривает их через оптику славянофильства, что также определило тот ракурс, в котором рассмотрены многие философские и публицистические вопросы, поднимаемые в очерках о Севастополе Кохановской, и сам предмет исследования — тема Крыма, проблемы веры, экзистенциальные вопросы бытия и т. д.

Городской текст как важный культурно-исторический код в очерке «Севастопольские впечатления»

В очерке *«Севастопольские впечатления»* идеи о приоритете значимых национальных черт русского человека — смекалистости, трудолюбия, творческого подхода к любому делу, упорства в достижении цели — позволили автору создать образ российского города, до последнего сопротивлявшегося врагу, города, который успешно впитал уроки истории и остался верен заветам предков. Ратный подвиг русского народа вписан в общий генетический код народа-богатыря, народа-умельца, народа-чудотворца. Севастополь — мертвый и живой одновременно — вписан в библейский хронотоп. Амбивалентный образ города выявляет важные философские вопросы: необходимость восстановления всего разрушенного войной и нежелание самого города меняться, а сохранить память о минувшем в назидание потомкам; противостояние сильной и плодотворной природы разрушительному самоуправству, равнодушию и мажордерству человека и т. д.

Важной темой очерков становится и проблема веры, также идущая от славянофильских идей Кохановской. При этом О. Фетисенко справедливо указывает на волнующий писательницу вопрос о «приниженности и бездействии Православной церкви в тогдашнем Крыму» [Фетисенко 2021: 251], что становится сквозным мотивом всего цикла очерков Кохановской о Севастополе. Действительно, очеркист размышляет о странности неожиданных религиозных переплетений, когда православный храм размещен в языческом или когда над православно-русским довлеет восточно-мусульманское начало и др.

Кохановская одним из центральных образов города делает православный храм, прибегая к визуальным и звуковым шифрам: атрибут церкви — колокольный звон — усиливает христианский мотив преобладания жизни над смертью. Еще один визуальный образ — православный собор — поднимает событийную сторону истории на иной, духовный уровень. При этом концентрация внимания на значимых деталях — таинственном полумраке собора, Распятии, Кануне, образе Воскресения Господня и т. д. — подводит к мысли о бессмертии защитников города, вырвавших его из хаоса войны, а соборная молитва как можно большего числа людей должна помочь погибшим обрести это бессмертие.

В композиции трилогии этот очерк представляет собой прелюдию к последующему повествованию. Жанр исторического очерка позволяет в пределах небольшого объема через фактический материал выделить определенные исторические события. Актуализация

роли детали городской жизни, пейзажно-бытовых реалий способствуют воссозданию прошлого и его проекции на настоящее. Сохранена характерная для очерка опора на реальные факты в сочетании с личным взглядом на события. Смысл заглавия выражает единство исторических событий и авторского голоса, что говорит в пользу художественности текста. Этому же способствуют образный язык и достаточно свободная структура повествования. Определены семантически значимые для всех очерков локусы — Севастополь и его памятники, храмы, Малахов курган, Братское кладбище.

Принципы материального воплощения исторической памяти в очерке «Малахов курган»

В очерке «*Малахов курган*» внимание автора смещается к узловому событию второй половины XIX века — севастопольской обороне. Память занимает семантически более сильную позицию. Коллективная память, запечатленная в материальных достопримечательностях, побуждает автора к размышлениям о единстве жизни и смерти, памяти и забвения, вечного и сиюминутного. Вместе с тем пейзажная и архитектурная конкретика, соединяющая два противоположных явления — жизнь и смерть (Малахов курган, кресты из пушечных ядер на местах смертельных ранений адмиралов Корнилова и Нахимова, зияющие раны войны и степная трава, покрывающая курган, шныряющие везде кролики сторожа и т. д.) — побуждает повествователя к рефлексии, в которой, по точному замечанию Фетисенко, доминирует «мотив жатвы смерти» [Фетисенко 2021: 249]. Действительно, Кохановская сопоставляет сиюминутное и вечное, высокое и профанное, духовное и плотское.

В изображении Малахова кургана как исторического и духовного пространства выражена мысль о связи витальной силы воинства со смертью личности как «экзистенциальным феноменом» [Хайдеггер 1997: 240]. Кохановская выявляет скрытый смысл в памятнике погибшим русским и французским воинам — материальном выражении исторической и национальной памяти.

Сопоставление двух надписей (французский вариант Кохановская называет «французской дребеденью» [Кохановская 1887, № 86: 1]) свидетельствует о разнице менталитетов: французы славят личные качества храбрецов, объединенных смертью; в русской надписи ключевым словом становится «память», которая осмыслена одновременно как коллективная, национальная, личная. Кроме того, выражено великодушие к погибшему врагу, что говорит о высоком уровне религиозной культуры автора. Для повествовательной специфики Кохановской свойственно наращивание семантически однородных эпизодов, подтверждающих доминантную авторскую мысль.

Французская надпись	Перевод	Русская надпись
«Unis pour la victoire, Réunis par la mort, Du soldat c'est la gloire, Des braves c'est le sort» [3. № 86. С. 1].	Данную надпись можно перевести так: <i>Единые ради победы, Воссоединенные смертью, Это слава солдата, Это судьба храбреца.</i> Г. Поляков и В. Шавшин приводят иной вариант данной надписи: «Их разъединила воля к победе и объединила смерть. Такова слава солдата. Таков долг храбреца» [7. С. 63].	«Памяти воинов русских и французских, павших на Малаховом кургане при защите и нападении, 27 августа 1855 года» [3. № 86. С. 1].

Тема материального воплощения исторической памяти об обороне продолжена в описании Братского кладбища — Стотысячного, как его называют старожилы. Одной из первых о семантической наполненности названия этого локуса в очерках Кохановской заявила Фетисенко. Действительно, в наименовании кладбища отражены и статистика жертв (Стотысячное), передающая грандиозность события, и менталитет народа-воина (Братское), тех, кто покоится в «солдатских могилах», «общих могилах». Точные подсчеты захороненных на Братском кладбище произвести невозможно, так как в каждой из отдельных могил покоится от 300 до 600 человек. Однако на мемориальных плитах Свято-Никольского храма-памятника отражена определенная статистика, согласно которой общее число потерь — 118 819 человек [6. С. 316–319]. Кохановская использует антитезу братства защитников Севастополя и «рабских учеников цивилизованной Европы» [Кохановская 1887, № 86: 1]. В изображении кладбища, прежде всего в мотиве братства во имя победы, проявляется мысль автора о ценности витальных и мортальных смыслов бытия.

Историческая память накапливается как родовая, коллективная, надындивидуальная. Но в нее интегрируется и индивидуальная память. Автор прибегает к ольфакторным, цветовым, звуковым кодам, привнося в изображение личностное восприятие.

Мотивные принципы организации очерка «Братские могилы»

Этот же комплекс мотивов братства, смерти, жизни положен в основу очерка «*Братские могилы*», и они же обусловили композицию эпизодов, в которых коллективный опыт окрашен индивидуальной впечатлительностью. Особое место отведено мотиву братства, с которым ассоциируются братские могилы жителей Севастополя, солдат, матросов, высших военных чинов.

Духовное единство погибших и молящихся за них выражается, по Кохановской, через лейтмотив трагедии народа, потерявшего сто тысяч защитников. В описании Братского кладбища традиционные моральные смыслы обогащены мыслью о массовой героической жертвенности русского народа.

Композиционное и семантическое единство фактов в исторической памяти достигается через образы-скрепы, например креста. Конкретно-историческое содержание Крымской войны переходит на уровень вневременных, универсальных истин, что в определенной степени происходит благодаря индивидуальному восприятию религиозной предметности. Вид крестов, могильных плит не вызывает чувства скорби, при их лицезрении автор переживает «потрясающе-умилительное» [Кохановская 1877: 1] впечатление. Вместе с тем семантика слова «крест» переводит повествование на уровень прозаической повседневности: автор размышляет о тяжелом кресте русского солдата и в целом воинской службы. Многозначность образа креста побуждает очеркиста проецировать чувства матерей погибших солдат на собственные. По утверждению Фетисенко, был у Кохановской важный личностный мотив вместе с павшими воинами оплакивать брата, не дожившего до Крымской войны из-за холеры, но возможного участника севастопольской обороны. Личностно-родовой план Кохановская соединяет с социальным и общегосударственным и приводит параллель между матерью погибшего воина-сына, похороненного на Братском кладбище, и царем Николаем I, чья болезнь и преждевременная смерть во многом, с ее точки зрения, объясняется положением на крымском фронте.

Фактография и эмоции также составляют единую повествовательную стратегию автора. Центром очерка становятся впечатления от Свято-Никольского храма, венчающего холм Братского кладбища и являющегося свидетелем подвига русского воинства при обороне Севастополя. Изображение храма реалистично, но вместе с тем вызывает различные ассоциации. Например, красные прожилки на плитах серого камня ассоциируются с пятнами запекшейся крови. Уравновешены аналитика цифр, математические подсчеты и индивидуальная рефлексия на показатели людских потерь — «цифрованный ужас» [Кохановская 1877: 1].

Цифры и факты состоят в отношениях дополнительности, что усугубляет экспрессивную реакцию автора — словесную, мыслительную, душевную, физическую; острота переживаний выражена через инверсии, парадокс («обаяние ужаса»), мотив безволия («Меня тянуло к ней», «руки невольно всплеснулись и остались поднятыми», «невольное, неудержимое восклицание» [Кохановская 1877:

1)), эпитеты («огненные цифры», «страшные скрижали» [Кохановская 1877: 1]) и сравнения («точно перекаты грома» [Кохановская 1877: 1]), передающие чрезвычайность состояния автора. Язык кладбищенского старожила лаконичен, сдержан, афористически точен, но также образен: «10 пехотная дивизия и того погрознее будет <...> кровопролитнейший полк! <...> самый, как есть, безчастный во всей армии. Больше его никто солдатиков не положил! <...> Вот она, матушка, 10-я дивизия, каково поработала! Лоском легла» [Кохановская 1877: 1]. В контексте всего эпизода сами цифровые показатели погибших эмоционально значимы. В результате голые цифры обретают особую значимость и создают образ народа-героя, народа-мученика.

Кохановская придает сакральный смысл обороне, что продолжает традицию древнерусской литературы о воинах Христовых и покровительстве Господа русскому воинству. Так подтверждается мысль о проявлении общекультурной преемственности в исторической памяти. Вместе с тем финальные риторические вопросы и восклицания, касающиеся исторической памяти, вносят в севастопольские очерки Кохановской критическую тему равнодушия чиновничества — светского и церковного — к истории отечества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бергсон А. Материя и память / Пер. с фр. А. Баулер // Бергсон А. Творческая эволюция. Материя и память. Минск, 1999. С. 413–668.
2. Кохановская (Соханская Н.С.) Братские могилы. Очерки Н. Кохановской // Русский Мир. 1877. 8 апреля. № 92. С. 1–2.
3. Кохановская (Соханская Н.С.) Малахов курган // Русский Мир. 1877. 1 апреля. № 85. С. 1; 2 апреля № 86. С. 1.
4. Лихачёв Д.С. Искусство памяти и память искусства // Лихачёв Д.С. Прошлое-будущему. Статьи и очерки. Л.;1985. С. 63–70.
5. Лотман Ю.М. Память культуры // Лотман Ю. М. Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки. СПб., 2000.
6. Протоиерей Г. Поляков, В. Шавшин. «За Веру, Царя и Отечество». Свято-Никольский храм-памятник. Братское кладбище. Крымская (Восточная) война. Симферополь, 2013.
7. Реутова М.А. Проблема памяти в русской литературной антиутопии XXI века. Дисс. ... канд. филол. наук. СПб, 2024.
8. Сундукова К.А. Память как поэтологический принцип в искусстве романа (на материале творчества Г.И. Газданова, В.В. Набокова, Ю.В. Трифонова). Дисс ... канд. филол. наук. Самара. 2018.
9. Фетисенко О.Л. Кохановская: «Степной цветок» русской словесности: Тексты и контексты Н.С. Соханской. СПб., 2021.
10. Хайдеггер М. Бытие и время / Пер. В.В. Бибихина. М., 1997.

REFERENCES

1. Bergson A. *Materiya i pamyat'* [Matter and Memory]. Translated from French by A. Bowler. In: *Tvorcheskaya ehvolyuciya. Materiya i pamyat'* [Creative Evolution. Matter and Memory]. Minsk: *Harvest Publ*, 1999, pp. 413–668. (In Russ.)
2. Kokhanovskaya N.S. (Sokhanskaya) Bratskie mogily. Ocherki N. Kohanovskoj [Mass Graves. Essays by N. Kokhanovskaya]. *Russkiy Mir* [Russian World]. № 92. April 8, 1877, pp. 1–2. (In Russ.)
3. Kokhanovskaya N.S. (Sokhanskaya). Malahov kurgan [Malakhov Kurgan]. *Russkiy Mir*, [Russian World]. № 85. April 1, 1877, p. 1; № 86. April 2, 1877, p. 1. (In Russ.)
4. Likhachev D.S. *Iskusstvo pamyati i pamyat' iskusstva*. [The Art of Memory and the Memory of Art]. In: *Proshloe-budushchemu. Stat'i i ocherki*. [Past to the Future. Articles and Essays]. Leningrad: *Nauka*. Leningradskoe otdelenie Publ., 1985, pp. 63–70. (In Russ.)
5. Lotman Yu. M. *Pamyat' kul'tury*. [Cultural Memory]. In: *Semiosfera. Kul'tura i vzryv. Vnutri myslyashchih mirov. Stat'i. Issledovaniya. Zametki*. [Semiosphere. Culture and Explosion. Inside Thinking Worlds. Articles. Research. Notes]. St. Petersburg: *Iskusstvo-SPb Publ.*, 2000. 704 p. (In Russ.)
6. Archpriest G. Polyakov, V. Shavshin. «*Za Veru, Carya i Otechestvo*». *Svyato-Nikol'skij hram-pamyatnik. Bratskoe kladbishche. Krymskaya (Vostochnaya) vojna*. [For Faith, Tsar, and Fatherland. St. Nicholas Memorial Church. Fraternal Cemetery. Crimean (Eastern) War]. Simferopol: SALTA LTD, 2013. 708 p. (In Russ.)
7. Reutova M. A. (2024) *Problema pamyati v russkoj literaturnoj antiutopii XXI veka*. [The Problem of Memory in Russian Literary Dystopia of the 21st Century]. Dissertation of the Doctor in Philology. — St. Petersburg. (In Russ.)
8. Sundukova K. A. (2018) *Pamyat' kak poehtologicheskij princip v iskusstve romana (na materiale tvorchestva G.I. Gazdanova, V.V. Nabokova, Yu.V. Trifonova)*. [Memory as a Poetological Principle in the Art of the Novel (based on the works of G. I. Gazdanov, V. V. Nabokov, Yu. V. Trifonov)]. Dissertation of the Doctor in Philology. — Samara. (In Russ.)
9. Fetisenko O. L. *Kokhanovskaya: «Stepnoj cvetok» russkoj slovesnosti: Teksty i konteksty N.S. Sohanskoj*. [Kokhanovskaya: “The Steppe Flower” of Russian Literature: Texts and Contexts of N. S. Sokhanskaya]. — St. Petersburg: *Pushkinskij Dom*, 2021. — 421 p. (In Russ.)
10. Heidegger M. *Bytie i vremya*. [Being and Time] / Translated by V. V. Bibikhin. Moscow: Ad Marginem, 1997. 452 p. (In Russ.)

Поступила в редакцию 15.06.2025

Отредактирована 15.09.2025

Принята к публикации 16.06.2026

Received 15.06.2025

Revised 15.09.2025

Accepted 16.06.2026

ОБ АВТОРЕ

Анастасия Игоревна Октябрьская-Кисничан — аспирант филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; nastya-okt@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Anastasia I. Oktyabrskaya-Kisnichan — postgraduate student, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; nastya-okt@mail.ru